

УДК 101

АРХАИЗАЦИЯ ОЦЕНОК ПРОШЛОГО, КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН НА ПРИМЕРЕ РЯДА СОВРЕМЕННЫХ ОЦЕНОК СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бондаренко Ю.Я. - кандидат философских наук, профессор кафедры философии КРУ им. Байтурсынова

Антонян М.А. - кандидат культурологии, доцент кафедры испанского языка МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва, РФ

Статья посвящена одно из наиболее острых, актуальных и практически значимых проблем - проблеме отношения к прошлому, постоянно видоизменяющегося в контексте задач, встающих на новых этапах исторического развития.

Опираясь на анализ статей и эссе в ряде центральных литературно-художественных и общественно-политических журналов, авторы обращают внимание на то течение современной духовной жизни, которое связано с «застреванием» части творческой элиты в недавнем прошлом, в связи с чем вводится понятие «архаизация оценок прошлого».

Также авторами дается понятие «идеологии» и «идеократии», как глобальных понятий и их роли, значения и функции в советском обществе. Еще авторами обращается внимание на саму социокультурную изменчивость значимости таких оценок, а также на то, что в изменившихся реалиях критика прошлого может объективно играть роль маневра, отвлекающего от глубокого осмысления культуры в целом и насущных вопросов настоящего.

Ключевые слова: архаизация оценок прошлого, социализм, советская культура, философия, марксизм.

КЕҢЕС МӘДЕНИЕТІН ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ БАҒАЛАУДЫҢ МЫСАЛЫНДА ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚҰБЫЛЫС РЕТІНДЕ ӨТКЕНДІ БАҒАЛАУДЫҢ АРХАИЗАЦИЯСЫ

Бондаренко Ю.Я. - философия ғылымдарының кандидаты, А.Байтұрсынов атындағы ҚӨУ философия кафедрасының профессоры

Антонян М.А. - мәдениеттану кандидаты, М.В.Ломоносов атындағы ММУ испан тілі кафедрасының доценті, Мәскеу қ., РФ

Мақала ең өткір, өзекті және іс жүзінде маңызды мәселелердің бірі - тарихи дамудың жаңа кезеңдерінде тұрған міндеттер контекстінде үнемі өзгеріп отыратын өткенге деген көзқарас проблемасына арналған.

Бірқатар орталық әдеби, көркем және қоғамдық-саяси журналдардағы мақалалар мен эсселерді талдауға сүйене отырып, авторлар жақында өткен шығармашылық элитаның бір бөлігінің "жабысып қалуымен" байланысты қазіргі рухани өмірдің ағымына назар аударады, осыған байланысты "өткенді бағалаудың архаизациясы" ұғымы енгізіледі.

Сондай-ақ, авторлар жаһандық ұғымдар және олардың кеңестік қоғамдағы рөлі, маңызы мен функциялары ретінде "идеология" және "идеократия" ұғымдарына анықтама береді. Авторлар мұндай бағалаудың маңыздылығының әлеуметтік-мәдени өзгергіштігіне, сондай-ақ өзгерген шындықта өткенді сынау объективті түрде маневр рөлін атқара алатындығына назар аударады, бұл мәдениетті және қазіргі кездегі өзекті мәселелерді терең түсінуден алшақтатады.

Түйінді сөздер: өткенді бағалаудың архаизациясы, социализм, кеңес мәдениеті, философия, марксизм.

ARCHAIZATION OF ASSESSMENTS OF THE PAST AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON ON THE EXAMPLE OF A NUMBER OF MODERN ASSESSMENTS OF SOVIET CULTURE

Bondarenko Yu.Ya. - Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, KSU named after A. Baitursynov

Antonyan M.A. - Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Spanish Language, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, RF

The article is devoted to one of the most acute, urgent and practically significant problems - the problem of the relationship to the past, which is constantly changing in the context of the tasks that arise at new stages of historical development.

Based on the analysis of articles and essays in a number of central literary-artistic and socio-political journals, the authors draw attention to the course of modern spiritual life, which is associated with the "stuck" of a part of the creative elite in the recent past, in connection with which the concept of "archaization of assessments of the past".

Also, the authors give the concept of "ideology" and "ideocracy" as global concepts and their role, meaning and function in Soviet society. The authors also draw attention to the very socio-cultural variability of the significance of such assessments, as well as to the fact that in the changed realities, criticism of the past can objectively play the role of a maneuver that distracts from a deep understanding of culture in general and pressing issues of the present.

Key words: archaization of assessments of the past, socialism, Soviet culture, philosophy, Marxism.

Введение. Оценки прошлого всегда являлись и продолжают являться своеобразными окнами в миры духовной культуры более поздних времен. Хорошо известно, что те или иные суждения о прошлом, подчас, больше говорили о выносивших эти суждения и о том мире или мирке, в котором суждения выносились, нежели о том, что оценивалось. Этот трюизм остается верным и для того, что достаточно условно мы могли бы назвать днем сегодняшним или нашим временем, текучим и изменчивым, как и все иные времена.

Но при всей кажущейся банальности нашего тезиса остается востребованным рассмотрение феномена, который мы бы здесь обозначили, как «архаизация оценок прошлого». Что имеется ввиду? – То, что в широком спектре социокультурных феноменов, спектре, который оказывается наиболее ярким во времена бурных преобразований, как правило, занимает свое место критическое или ультракритическое отношение именно к относительно недавнему прошлому, сопровождаемое радикальным стремлением отречься «от старого мира» и отряхнуть «его прах» со своих ног.

Однако времена меняются. Меняются и вызовы, те задачи, которые встают перед новыми поколениями, включая и деятелей культуры, но при этом какая-то часть мыслительно-эмоциональных потоков «архаизируется» и продолжает течь по руслам «вчерашнего времени», того времени, когда критические оценки «ближайшего» прошлого были (пусть очень часто и субъективно) направлены на расчищение места для нового, для движения вперед. С прошествием же десятилетий, то, что способствовало расчищению завалов косности, отбрасыванию приевшихся штампов, утрачивает свое прежнее значение и начинает все более играть роль силы, отвлекающей от насущных задач уже иного дня и при этом ограничивающих духовно-интеллектуальный горизонт горами мусора, которые удалось нагрести еще раньше.

Интересный и в значительной мере неожиданный для самих авторов этой статьи пример такого рода архаизации сознания дает, достаточно произвольно взятая подборка из новейших толстых российских журналов – нечто вроде микросреза одной из граней современной духовной реальности.

Основная часть. Начнем с материалов 25-летней давности, правда, опубликованных в «Знамени» в мае 2019 г. Это - запись разговора М.Эпштейна и А.Битова, состоявшегося в Атланте в декабре 1995 (Туда А.Битов прибыл по приглашению М.Эпштейна для чтения лекции и модерне и постмодерне в русской литературе). В разговоре было немало того, что и сейчас подталкивает к серьезным размышлениям. Но обратим внимание на одно из высказываний Андрея Битова, которое могло бы стать вступлением к нашим размышлениям об «архаизации» оценок прошлого. Битов говорит: «... я принадлежу к поколению, основной чертой которого сейчас уже, в солидном возрасте, могу считать неинформированность». Это было нашей слабостью, которую мы абсолютно не сознавали, и это было нашей силой, которую мы не хотим сознавать» [1, с.151].

Оставим в стороне богатое контекстуально упоминание о силе и слабости. Остановимся только на «неинформированности». В советское, особенно позднесоветское время и отчасти в девяностые направленность таких суждений была понятна: речь шла о барьерах на пути к получению информации об очень и очень многом и об ограниченности доступных советскому человеку потоков информации. Хотелось прикоснуться к более объемным знаниям. Но, если посмотреть шире, то суждение само по себе очень ограничено и совершенно не точно. Вся система обучения, организации работы культурчреждений была направлена на распространение в массах не только идеологических клише, но и мощнейших потоков самой разнообразной информации. Это даже доказывать не требуется. Вспомните хотя бы множество популярных изданий просветительского характера и т.д., и т.п. А уж если сравнить с картиной, вырисовывающейся в начале нового тысячелетия, то, боимся, сравнение будет во многом далеко не в пользу дней нынешних, не говоря уже об информационной убогости центральных каналов российского телевидения.. Но главное даже не в этом, а в том, что сложнейшее, многослойное и многогранное явление сплющивается и при современном озвучивании

разговора такое сплющивание для человека знакомого с историей нашей школы, науки и культуры видится особенно наглядным.

Когда же мы соприкасаемся с определенными трендами уже последних лет, то и здесь, словно время остановилось, звучат однозначно плоские оценки «советского прошлого». Показательный образец – статья Марии Греховой «Взгляд себя», появившаяся уже в «Звезде» в конце 2019 г. В разговоре об интеллигенции автор ссылается на «профессионалов: «По мнению философа П.А.Сапронова, – советский отрезок российской истории – это культурное и нравственное падение России, это возвращение к порядкам первобытно-общинного строя, когда вожак распределяет общую добычу между членами общины по своему усмотрению. А философ Г.И.Тулъчинский называет советский период «историческим спазмом в виде государственного феодализма». Продолжая тему, уже сама М. Грехова пишет: «В стране Советов были такие условия труда, что большинство не было заинтересовано в результате своей деятельности, и, видя равенство в оплате трудоголиков и лентяев, не очень надрывалось на своей работе». Правда, при этом творческие личности, как и во все времена отдавались своей работе с вдохновением [2, с.154].

У нас нет места для того, чтобы вступить здесь полемику. Но желающие могут, не игнорируя противоречий и прямых бедствий, связанных с десятилетиями советской истории, сами посмотреть: сколько и чего тогда было создано в сфере экономики, и что и как создано за последние 30 лет [3, сс.143 – 175].

Но вернемся к М.Греховой, которая, рассуждая уже о культуре, начинает с цитирования Луначарского, «заявившего» в 1922 г.: «Советской власти не нужны философы, историки и журналисты», и вспоминает: «... однажды, для того, чтобы пройти на выставку интересовавшего меня) художника, которая располагалась на втором этаже корпуса Бенуа, мне пришлось пройти через выставочные залы советского искусства. Я до сих пор не могу отделаться от ощущения ужаса. Твердокаменные лица рабочих с неподвижным взглядом, подъемные краны на фоне кровавого восхода, молотки, дубины, кирки, ломы, черные лица работниц в красных платочках. Когда я поднялась на второй этаж, то мне показалось, что я вырвалась из пещеры с черно-красными чудовищами и очутилась в дивном оазисе. И я поняла: есть советское искусство и есть просто искусство, которое вне времени, хотя создавалось оно в советское время».

За этим эмоциональным вступлением следует обобщение: «О какой памяти человечества могла идти речь в советской стране? Какой опыт предков? И где поколение, которое должно было осваивать опыт предков? И куда делись предки? Большевики уничтожили культуру в ее традиционном понимании и пытались насадить свою, холуйскую. Слава богу, им это не удалось, так как руководить Духом животворящим мы не в силах» [2, с.164 – 165].

Не будем здесь походя, обсуждать Луначарского. Цитата дана без указания источника и вне контекста. Цитируя таким образом, можно доказывать что угодно, в том числе и то, что Библия пропагандировала уринотерапию (это на самом деле случилось в годы Перестройки). Поэтому ни спорить, ни соглашаться в данном случае нет смысла. Стоит только вспомнить, что реальная роль А.В.Луначарского в истории отечественной культуры не было плоской, да и сама эта история, при всех ее кульбитах сохранила в советское время и философов, и историков, и журналистов. Нравятся они или нет кому-то, каковы их слабости и достижения – это уже другие вопросы.

Что же касается примитивности собственно советского искусства, так ведь и так называемый «соц-арт» был не линейным. Была и халтура, были и штампы, (и даже они с исторической точки зрения, оказываются интересными в наши дни), но были и не только они. А то, что были еще и «оазисы», так это тоже свидетельствуют в пользу многоцветия реальной культурной жизни и о том, что были какие-то возможности их появления. Ведь в Антарктиде оазисы в принципе не могут возникнуть.

А об отношении к памяти предков в двух словах и вовсе не скажешь. Как это было многократно в истории, память эта периодически топталась, трансформировалась, но и при всех поворотах истории не стиралась целиком, если только безвозвратно не гибли целые культуры и цивилизации. Так было и при князе Владимире, крестившем Русь и при этом сбросившим вводу языческие идола, и при Петре, и в годы французской революции, и, при ранних большевиках. В целом же даже время Русской Революции было очень неоднозначным, а что же тогда говорить о советской истории в целом? Обратитесь хотя бы к работам Льва Аннинского. Желающие же могут сами ознакомиться с проблемной статьей В.Мартьянова и Л.Фишмана «Советская мораль», в которой, в частности показано, что то, что мы обозначили, как «архаизацию сознания», проникло и в Интернет (а как же иначе – ведь это тоже составляющая, причем существеннейшая, нашей современной информационно-духовной жизни) [4,135-149].

Говорить же о «насаждаемой большевиками» культуре, как «холуйской», просто несерьезно. Холуи мировые войны не выигрывают и промышленные гиганты не создают. Дух холуйства не в силах породить многозвучие музыкальной культуры, разнообразие литературных произведений и богатые миры театрального и киноискусства. Это все при том, что советская культура была культурой реально Великой страны, великой при всех своих болях и проблемах. И стихи

В.Маяковского, и музыка Шостаковича, и «Повесть о настоящем человеке», и «Молодая гвардия», и память о «Бессмертном гарнизоне» Брестской крепости, равно, как и «Бухенвальдский набат», как и многое другое, стали феноменами мировой культуры не просто потому, что они как-то особенно написаны, а потому, что они вобрали мощь в себя и боль явлений мирового масштаба...

И, наконец, талантливо написанный очерк Александра Мелихова под броским названием «Философская инквизиция и научная аристократия». Говоря о партийной элите (а это гораздо предметнее, чем разговор о советской культуре вообще), А.Мелихов замечает: «Она щедро финансировала научное творчество и одновременно непрерывными унижениями создавала из творческой интеллигенции своего непримиримого врага, не позволяя ей обрести ощущение собственной силы и красоты, без которого эстетический авитаминоз разрушает самое материально обеспеченное человеческое счастье.

Советский Союз не в последнюю очередь и был разрушен эстетическим авитаминозом...» [5, с.263]. Образ живой, и дающий пищу для размышлений. Но вот за ним несутся вскачь сверкающие клинками слов рассуждения о философии: «... пожалуй, одно из наиболее утонченных унижений, которым власть подвергала ученую гильдию, была марксистско-ленинская философия. Лживой, ясное дело, была вся советская пропаганда, но идеологическая лабуда – самый передовой строй, все кругом империалисты, одни мы молодцы, даже и не претендовала на правдоподобие, и тем более, на глубину, а диалектический материализм претендовал, хоть было и совершенно невозможно понять, что это такое. Первичность материи? Это что нельзя размышлять, не имея мозга? Или что? Закон отрицания отрицания – что это за такой закон, который выявляется только задним числом, а предсказать не способен решительно ничего?

За этим, правда, стояли какие-то почтенные имена. – Гегель какой-нибудь, и до большевиков был в авторитете, это хорошая аттестация, может там и правда что-то есть, если осилить эту тяготящую бессмыслицу» [5, с.263].

Все это совершенно замечательно, если увидеть в написанном снимок настроений тех лет, причем настроений, человека с серьезной подготовкой физика, тяготеющего к жесткой логике определенного типа. Да и что уж греха таить: и ленинский «Материализм и эмпириокритицизм» в вузовских учебных программах выглядел мастодонтом из былых времен и изрядно утомлял, как преподавателей философии, так и студентов. Хотя в 60-е и 70-е только к нему одному вся, даже учебная, советская философия не сводилась.

Остроумно и хлестко сказано и о связи философии и, физики и математики: «Атомная бомба спасла, а философия едва не погубила». То есть потребность «в оборонке» защитила физику от догм, тогда как философия этими догмами только стреноживала живую мысль.

Но... все познается в сравнении. Если взглянуть на советскую философию, как на составляющую истории мировой культуры, неотъемлемой частью которой были и остаются и определенные шаблоны, догмы, запреты и ограничения, в том числе и нелепые, которые могут сочетаться и с работой мысли (вспомним средневековье), то живая история даже советской философии будет выглядеть куда менее одноцветной. Хотя и процитированное имеет свое полное право на существование: ну так конкретный человек это все увидел. Разве он не имеет такого права?

Однако, когда личные ощущения перерастают в своего рода глобальные, отечканенные, как физические формулы, выводы, картина оказывается иной. Вчитаемся: «Самое мерзкое в советской власти было вовсе не то, что она была социалистической, а то, что она была идеократической – изводила людей без всякой государственной пользы, а точнее – с огромным вредом для государства. Да, плановая экономика несовместима с политическими свободами, да, она малочувствительна к инновациям и нуждам населения, но она совершенно не требует казнить и отправлять в лагерь людей за непризнание объективной истины. С интеллектуальной элитой расправлялась именно философия, именно философия, как светская религия, была главным духовным надзирателем и стукачом - коммунистическая сказка при всей ее утопичности этих расправ вовсе не требовала. Но, поскольку ее знамя осеняло всю страну. То ей приписывали и зверства, творившиеся по другим причинам, и достижения творившиеся тоже по совершенно иным причинам» (5, с.265).

Конечно же, выглядит справедливым положение о том, что нельзя все достижения либо пороки советского общества выводить только из социализма и соответствующей идеологии [6, с.137]. Верно и то, что идеократия в тех формах, которые она обретала на практике, уже к семидесятым годам у значительной части населения и особенно интеллигенции стала рождать скепсис, иронию, а то и прямое отторжение. Но тут перед нами типичная подмена понятий, а, возможно, и непреднамеренный антиисторизм.

В чем же дело? – А дело в том, что «идеократия», «идеология» - это глобальные явления. И проблема не в том насколько хороши или плохи они сами по себе, а в том, когда и при каких условиях они оказываются действенными, а когда их действенность слабеет, и «буква убивает дух». Поэтому проблема советского общества была не просто в существовании идеократии, как таковой, а в ограниченности форм этой идеократии и начинавшемся зримом отставании этих форм от реального личностного роста огромной части населения, обретавшего образование, которое все больше

выплескивалось за устаревавшие рамки. История показывает, что это феномен далеко не только советский, и, можно надеяться, что, помимо написанного, нас еще ждут масштабные исследования в данной области животрепещущих и жизненно важных проблем.

К тому же и в своих, ограниченных формах советская философия, да еще в разные годы своего существования, была не только «духовным надзирателем и стукачем». Словно переняв эстафетную палочку у традиционных религий, эта философия стала уделять колоссальное внимание тексту, точности его воспроизведения и фехтованию фрагментами текстов и цитатами. Это в свою очередь, помимо прочего, дисциплинировало мысль и по своему, как и у средневековых диспутантов, развивало своеобразное искусство полемики. Здесь вспоминается демонстрация в учебном фильме методов обучения в одной из иудейских религиозных школ, где юноши садятся друг против друга и дискутируют на религиозные темы. Думается, не случайно, что в СССР такой высоты достигли шахматы. Ведь шахматы, шашки, го – это своеобразные невербальные формы ведения диспута при достаточно жестких правилах (фигуры не могут ходить так, как Вам вздумается), без которых, кстати, сами интеллектуальные игры были бы невозможны.

Если уж перейти к ставшим стереотипными суждениям о соотношении плановой экономики и политических свобод, то здесь просто не о чем полемизировать, потому что подобные суждения вторичны и непрофессиональны. Даже при иных, нежели драматичнейшее нынешнее, направлениях развития, технизация и глобализация требуют возрастания элементов планирования. И проблема не в том, что нам нужно: план или рынок – это дилемма из прошлого столетия. А в чем же? – В том, как сочетать элементы и масштабы плана с другими структурными элементами разнообразных, хотя в чем-то и сближающихся человеческих обществ? И в чьих интересах все это делать?

В качестве частного, но ярчайшего примера вспомним депутатский дневник Сергея Шаргунова, вспомним, отмеченное им «масштабное, затрагивающее тысячи, если не миллионы судеб» «заккрытие многопрофильных больниц. Повсеместно. Вернее, отказ от того, чтобы заниматься пациентами, у кого диагноз не «Ковид – 19». Так, в Подмосковье многие больные «оказались наедине с кошмаром» [7, с.175]... Что здесь? - Одна из наглядных иллюстраций отвержения разумного «планирования»? Или, наоборот, нечто иное? При любом ответе старомодно-перестроечные атаки и сабельные удары по злосчастному «плану» напоминают сегодня кавалерийские налеты на траншеи, усыпанные «огневыми точками»...

Заключение. Завершая эти краткие заметки, хотелось бы обратить внимание на то, что центральная проблема не в том, хаять ли, хвалить или скрупулезно анализировать в своем кабинете давние либо недавнее прошлое. Подмеченное здесь свидетельствует об «архаизации оценок прошлого» у части нашей «духовной элиты», застрявшей на рубеже конца 80-х – начала 90-х, архаизации, которая де-факто уводит и от концентрации внимания на болях и задачах дня сегодняшнего, и от попыток масштабного, объемного рассмотрения мировых процессов в их целостности. Такая «архаизация», независимо от субъективных намерений авторов и сотрудников редакций, объективно ведет и к объединению нашего видения истории, и, что еще опаснее, к подслеповатости при взгляде на настоящее. Как известно, дорогу осилит идущий. Но лишь тогда, когда он идет с открытыми глазами, причем глазами, способными смотреть не только назад, но и по сторонам, и вперед.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Эпштейн М., Битов А. Разговор о постмодернизме [Текст] / Эпштейн М., Битов А. / Знамя. – 2019. – С. 151
2. Грехова И. Взгляд в себя [Текст] / И. Грехова – Звезда, 2019. – №11. – С. 154
3. Зюганов Г. Русский стержень державы [Текст] / Г.Зюганов / Наш современник. – 2020. – №6
4. Мартьянов В., Фишман Л. Советская мораль. От высоких ценностей к «криминальной революции»? [Текст] / Мартьянов В., Фишман Л. / Новый мир. – 2020. – №3. – с.136
5. Мелихов А. Философская инквизиция и научная аристократия [Текст] / Мелихов А. – Звезда. – 2019. – №11
6. Бондаренко Ю.Я. Халкин-Гольские события в поэзии и прозе К.Симонова [Текст] / Ю.Я. Бондаренко // Многопрофильный научный журнал «3i : интеллект, идея, инновация» – Костанай, КГУ им. А.Байтурсынова, 2020, № 1, с. 137-141.
7. Шаргунов С. Стоны страны [Текст] / С. Шаргунов / Наш современник. – 2020. – №6

REFERENCES:

1. Epshtein M., Bitov A. Conversation about postmodernism [Text] / Epshtein M., Bitov A. / Banner. - 2019.- P. 151
2. Grekhova I. Look into yourself [Text] / I. Grekhova - Star, 2019. - №11. - P. 154
3. Zyuganov G. Russian core of the state [Text] / G. Zyuganov / Our contemporary. - 2020. - No. 6
4. Martyanov V., Fishman L. Soviet morality. From high values to a "criminal revolution"? [Text] / Martyanov V., Fishman L. / New world. - 2020. - No. 3. - p.136

5. Melikhov A. Philosophical Inquisition and Scientific Aristocracy [Text] / Melikhov A. - Star. - 2019. - No. 11
6. Bondarenko Yu.Ya. Khalkin-Gol events in K. Simonov's poetry and prose [Text] / Yu.Ya. Bondarenko // Multidisciplinary scientific journal "3i: intelligence, idea, innovation" - Kostanay, KSU named after A. Baitursynova, 2020, no. 1, p. 137-141.
7. Shargunov S. Groans of the country [Text] / S. Shargunov / Our contemporary. - 2020. - No. 6

Сведения об авторах:

Бондаренко Юрий Яковлевич, кандидат философских наук, профессор кафедры философии КРУ им. Байтурсынова, 110000 Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47, моб.: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

Антонян М.А., кандидат культурологии, доцент кафедры испанского языка МГУ им. М.В.Ломоносова г. Москва, Ленинские горы, д. 1/13, моб.: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

Бондаренко Юрий Яковлевич, философия ғылымдарының кандидаты, А.Байтұрсынов атындағы ҚӘУ философия кафедрасының профессоры, 110000 Қазақстан, Қостанай қ., Байтұрсынов көш.47, моб.: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

Антонян М.А., мәдениеттану кандидаты, М. В. Ломоносов атындағы ММУ испан тілі кафедрасының доценті. Мәскеу қ., Ленин таулары, 1/13 үй., моб.: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

Bondarenko Yuri Yakovlevich, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the KSU named after A. Baitursynov, 110000 Kazakhstan, Kostanay, Baitursynov st., 47, mob .: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

Antonyan M.A., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Spanish Language, Moscow State University named after Lomonosov M.V., Moscow, Leninskie gory, 1/13, mob .: 87776377650, e-mail: yura.bondarenko.48@bk.ru

УДК 908

FROM THE HISTORY OF MOVEMENT IN THE FEDOROVSKY DISTRICT AT THE LATE OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Shalgimbekov A.B. - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan, KSU named after A. Baitursynov

Segizbaev A. - 2-year graduate student in the history of KSU named after A. Baitursynov

Gulyaev I. I. – Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the department of Social Technologies, Belgorod State National Research University, Rossiya

This article reveals one of the important historical stages in the formation of the multiethnic population of the present Fedorovsky district. The works of native scientists, historians, as well as archival data and publications in the media of that period are analyzed. The process of resettlement of Ukrainian and Russian peasants to the territory of the modern Fedorovsky district is described. Using reliable archival material, the authors highlight the natural and climatic conditions of the Kustanai district, the use of the territory characterized as «continuous feather grass steppe with excellent meadows» as pastures for nomads not only of the entire region, but also for the Kyrgyz of the Syr-Darya and Ural regions. The article notes that the allocation of land both for the county center and for resettlement settlements often met not only dissatisfaction, but also open resistance from the local population. which gives, in our opinion, a fairly objective picture of the settlement of Kustanai and the emergence of the first resettlement settlements.

Key words: Kustanay district, resettlement, settlement, settlement, local population.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ФЕДОРОВСКИЙ РАЙОН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Шалгимбеков А.Б. - к.и.н., доцент кафедры истории Казахстана, КРУ им. А.Байтұрсынова

Сегизбаев А. - обучающийся 2 курса магистратуры по специальности История КРУ им. А. Байтұрсынова